АДАМ МЕЦ

МУСУЛЬМАНСКИЙ РЕНЕССАНС

8. ФИНАНСЫ

Насколько ясным и простым выглядит мусульманское законоположение о взимании налогов в трудах теоретиков от Абу Йусуфа до ал-Маварди и в сводах хадисов, настолько запутанным, пестрым и сложным было оно в действительности. …

Более или менее равномерно в пределах империи производились только чисто мусульманские поборы: подушная подать с христиан и иудеев и налог в пользу нищих с мусульман. Эти налоги рассчитывались ежемесячно, так же как и суммы с наследственной аренды, сборы с мельниц, за земельные участки в городах и т. п., причем все эти ежемесячные поборы взимались из расчета лунного года. На деле их брали из этого расчета только в больших городах, мало зависящих от урожая. Однако при сборе налогов в сельской местности приходилось считаться с крестьянином, с семенами и урожаем, иными словами, руководствоваться солнечным годом.

Другим своеобразием мусульманского финансового управления было то, что налоговые ведомства провинций в то же время являлись и государственной казной: из своих доходов они покрывали штатные расходы и суммы на содержание войск, и только разница, т. е. нетто-доходы, препровождалась в центральное казначейство. Поэтому суммы этого дохода употреблялись исключительно на нужды двора, на содержание гарнизона резиденции халифа, министерств и восточной части Багдада, на частноправовых основаниях принадлежавшей двору. …

В качестве важной формы землевладения по всей империи имело распространение ленное владение — наследственная аренда; и на Востоке и на Западе это была древняя традиция. «Наследственная аренда установление персидское», — категорически заявляет писавший о Востоке Абу Йусуф, на Западе же она восходила к римлянам. Как на Востоке, так и на Западе таким путем государственные земли и пустоши переходили от правительства в частные руки. Обложение налогами этих ленных владельцев регулировалось, правда, в каждом отдельном случае договорами и, согласно теоретикам, платили они одну десятую дохода. Владельцы этих земель отнюдь не были ;в лучшем положении, чем обычные землевладельцы. Так, в одном сочинении X в. встречается анекдот, повествующий о том, что Харун ар-Рашид намеревался дать своему лейб-медику в ленное владение земельные угодья, тот же, однако, попросил лучше дать ему денег, чтобы купить эти земли, подчеркнув при этом, что среди его владений нет ленных. И все же большинство судебных разбирательств вызывалось как раз тем, что владелец

поместья выдавал его за ленное, а правительство рассматривало поместье как обычную землю, подлежащую обложению налогом. Ленные земли постоянно возвращались в руки правительства либо через конфискацию, либо из-за запустения, причем последнее чаще всего происходило как следствие невыносимого налогового бремени. Так, в IX в. при Саффаридах из Фарса выехало так много землевладельцев, подлежавших обложению земельным налогом, что тогдашнее правительство прибавило причитающуюся с них сумму налогов к налогам с оставшихся, и это непомерное увеличение налогов воспринималось как народное бедствие. Когда же эта провинция вновь вошла в состав империи, из Фарса отправилась в Багдад депутация и добилась того, что халиф отменил в 915 г. распоряжение об этой прибавке. Таким образом, подобная мера в то время, очевидно, не представляла на Востоке исключения, а в Египте круговая порука общины за одиночных беглецов даже являлась правилом; относительно Месопотамии можно найти указания, что такой порядок касался лишь подушной подати. Такого рода круговая порука была отменена во Франции перед самой революцией, а в России только в 1906 г.

Другие земли правительство удерживало за собой как государственные владения. В хорошие времена они умножались путем покупки других имений, а в 935 г., наоборот, часть их пришлось продать, чтобы погасить заем. Если правительство было слабым, то эти государственные домены постоянно находились под угрозой захвата расположенными по соседству крупными землевладельцами.

Чтобы избежать налогового гнета, мелкие землевладельцы отдавали свои поместья под покровительство более могущественных, и тогда они писались на их имя и вместо земельного налога уплачивалась лишь ленная десятина, но земля оставалась во владении бывшего хозяина, который мог ее и продать и передать по наследству. Форма эта стара: еще в византийском Египте таким путем возникали крупные землевладения. Сообщается об этом и во времена Омейядов, а в X в. это явление даже имело особую рубрику в налоговых ведомствах Хорасана; удивительно часто это практиковалось около 912 г. в изнывающем под бременем налогов Фарсе. Однако на Востоке эти подзащитные никогда не становились крепостными своих покровителей, как это было установлено законом в Египте в 415 г. н. э.

В фиск поступала также одна пятая часть добытых сокровищ как из копей, так и поднятых со дна морского, затем выкуп за сбежавших рабов, владельца которых не удавалось найти, изъятое у разбойников имущество, хозяева которого не объявлялись, и, наконец, фиск являлся наследником в тех случаях, когда таковых не было. Последнее, собственно говоря, относилось только к мусульманам; так, например, наследство ал-Хатиба ал-Багдади (200 динаров) досталось казне. В соответствии с изречением пророка: «Мусульманин не может наследовать от неверного, а неверный от мусульманина», халиф в 923 г. вынес такое определение: имущество

христиан или иудеев, не имеющее наследников, отходит к общине умершего, но не к государству. Среди юристов многие даже защищали совсем уж современное положение, что наследство должно переходить не к отдаленным родственникам, а к государству. Это имело особо важное значение, так как, по мнению некоторых законоведов, даже вполне близкие наследники получали лишь установленную Кораном квоту, и казна таким образом весьма часто приглашалась в сонаследники. В IX в. при халифе ал-Муʿтамиде (869—892) было организовано особое фискальное ведомство по делам наследования — превосходное поле деятельности для махинаций алчных на деньги чиновников. …

Согласно строгому мусульманскому праву пошлины также были запрещены, и, несмотря на это, таможни стояли повсюду. Юристы выходили из затруднительного положения, помещая пошлину в графу налога на благотворительные нужды (*закят*) по меньшей мере в пределах той суммы, которую обязаны были платить верующие. … На деле же таможенные тарифы были крайне разнообразны. В Джидде, порту Мекки, с каждого верблюжьего вьюка пшеницы взимали полдинара, с одной кипы египетского полотна в зависимости от качества — 2 или 3 динара, с верблюжьего вьюка шерсти — 2 динара; в Кулзуме (Суэц) с каждого верблюжьего вьюка — 1 дирхем. И в других арабских портах также надо было уплачивать пошлину, только размер ее, как указывают, был ниже. Суда, прибывавшие с Запада в Египет, платили пошлину в Александрии, а сирийские — в Фараме. Различные мелкие арабские властители также имели областные таможенные ведомства с различными размерами пошлин. Один взимал с каждого вьюка полдинара, большинство других даже всего лишь 1 дирхем. Вавилония была щедро одарена морскими, речными и дорожными поборами. Особенно дурной славой пользовалась Басра из-за тщательных обысков и бесконечной канители. Во времена ал-Мукаддаси там проходила граница между халифатом и областью карматов, и у ворот города друг против друга располагались таможни обоих государств. За одну-единственную овцу надо было платить 4 дирхема пошлины (т. е. в два раза больше ее стоимости), и к тому же карматская таможня была открыта всего лишь один час в день. …

Как повсеместно в древности, взимались также пошлины и на вывоз. Согласно данным юристов, пограничные гарнизоны должны были обыскивать всех выезжающих, отнимать у них оружие и рабов, просматривать их бумаги: не содержат ли они сведений о верующих. В Трансоксании при переправе через Оксус <Амударья> за каждого раба мужского пола взималось 70—100 дирхемов, за тюркскую девушку — 20—30, за верблюда — 2 дирхема, а за багаж путешественника — 1 дирхем. В Синде же, наоборот, все облагалось вывозными пошлинами, за исключением рабов. В маленьком южноарабском государстве Ассар пошлиной облагался только вывоз. Премию за вывоз знал, пожалуй, только необычайно богатый финиками Керман, где караван-баши за 100 тыс. верблюжьих вьюков

фиников, вывезенных караваном в Хорасан, получал от правительства по одному динару. …

Начиная с ранней эпохи ислама, когда еще серьезно считали, что империя принадлежит верующим, существовало разделение между государственной казной и личной кассой правителя. Но так как один и тот же человек черпал и оттуда и отсюда, не давая никому отчета, то в конце концов стало зависеть от его совести, насколько он хотел различать оба этих кошелька. Позднее на эту тему сочинялись трогательные истории о том, сколь робко Абу Бекр и Омар брали взаймы деньги у верующих. Известное выравнивание происходило в тех случаях, когда при пустой государственной казне приходилось расплачиваться личной шкатулке, чтобы не допустить всеобщего краха. Нам известно из письма везира ʿАли ибн ʿИсы, что халиф ал-Муʿтадид (892—901) и даже бережливый ал-Муктафи (901—907) изымали деньги из своей личной кассы на нужды государства. … В годы правления ал-Муктадира (907—932) его личная касса жестоко обиралась, но, правда, всегда с оговоркой о возврате. В 931 г. везир представил халифу дефицит на неотложные государственные расходы в сумме 700 тыс. динаров и заявил при этом, что не видит иного выхода, кроме того чтобы главе государства самому выплатить эту сумму. Однако это показалось халифу настолько чудовищным, что он весьма охотно принял предложение некоего честолюбивого человека, который обязался не только возместить все издержки, но и доставить еще 1 млн. динаров в личную кассу халифа. Этот человек, щедро протянувший руку помощи, стал везирем, однако уже на следующий год его вынуждены были снять, так как обнаружили, что он просто подделывал бюджет. В 940 г. везир потребовал из личной кассы халифа 500 тыс. динаров для выплаты жалованья войскам и в конце концов получил-таки эту сумму.

Выпадавшие на долю халифа как духовного главы верующих пожертвования, издержки на паломничество, на ежегодные военные походы против неверных, на выкуп пленных и прием иностранных послов он все равно должен был оплачивать из своей личной казны, но зато все расходы на цивильный лист и содержание двора покрывались за счет государственной казны. …

Все поборы, выходившие за рамки канонических налогов (земельная десятина, налог в пользу нищих, подушные подати христиан и иудеев), всегда считались мусульманскими юристами противозаконными, и именно по этой причине благочестивый везир ʿАли ибн ʿИса отменил в Мекке косвенные налоги, а в Месопотамии — налог на вино. По той же причине египетский халиф ал-Хаким, когда он вознамерился показать свою набожную приверженность древнеисламским нормам, также отменил все пошлины и налоги, не предусмотренные каноническим правом, а его преемник вынужден был тотчас же ввести их вновь. Как Фарс в отношении земельного налога, так Египет являлся классическим примером в отношении этих

косвенных поборов. Списки времени Фатимидов свидетельствуют о том, что все было обложено налогами, лишь воздух был свободен от них. … Арабская историческая традиция, приписывающая раннему периоду ислама благочестивое правление в соответствии с каноническим правом, называет Ибн ал-Мудаббира, который в 861 г. был управителем финансов Египта, «писарем сатаны» за то, что он ввел незаконные тяготы. Но все они уже были при Птолемеях, римлянах и византийцах. «Невольно встает вопрос: существовал ли вообще в тогдашнем Египте какой-либо поддающийся обложению налогом объект, который остался бы необложенным», в то время как эпоха старого ислама восприняла, кажется, не так уж много издавна привычных фискальных поборов.

…

Месопотамия на протяжении большей части столетия (до 980 г.) находилась под властью почти независимых Хамданидов. Эти правители из бедуинов, среди которых только Сайф ад-Даула в Алеппо смог вести блестящий и рыцарский образ жизни, притесняли своих подданных с беспечным неразумием кочевников. Они были самыми плохими хозяевами государства, и по сравнению с ними тюрки и персы воспринимались на престоле как мудрые отцы народа. Характерной особенностью их как кочевников была ненависть к деревьям. Так, когда в 944 г. г. Алеппо захлопнул свои ворота перед отрядами Сайф ад-Даула, они вырубили в окрестностях города все прекрасные деревья, которые, по словам поэта-современника ас-Санаубари, весьма украшали местность. В Месопотамии они принудительно скупили большую часть земель за десятую часть их стоимости: передают, что Насир ад-Даула в течение своей долгой жизни превратил таким путем почти весь округ Мосула в личную собственность. Они заставляли вырубать на этих землях плодовые деревья и сажать вместо них технические культуры: хлопок, кунжут и рис. Многие жители покидали эти места — целое племя Бану Хабиб, родичи Хамданидов, перешло якобы с 12 тыс. всадников (одна рукопись дает 5 тыс.) к грекам, где они были радушно приняты и откуда начали прилежно грабить свою бывшую несчастную родину. Владения всех беглецов, разумеется, конфисковывались казной. «Однако многие все же предпочитали жить в мусульманской стране из любви к родине, где они пропели свою юность, невзирая на то, что они должны были отдавать половину урожая и властелин определял размер налога по своему усмотрению в золоте или серебре». …

Первые финансовые затруднения встретились багдадскому правительству, когда ас-Саффар отторг от империи Фарс. Эти затруднения натолкнули тогда (в 70-е годы IX в.) на мысль о внутреннем государственном займе, сначала в форме откровенно принудительной. Регент ал-Муваффак предложил везиру «взять у купцов взаймы, затем обложить их, тебя, писарей и налоговых чиновников некоторой денежной суммой, которая даст нам возможность послать в Фарс войско. Если это нам поможет, тогда мы вернем

всем им эту сумму». Однако везир отнюдь не пришел в восторг от этого предложения. Когда около 912 г. замедлилось поступление денег с отданной в свое время на откуп провинции Ахваз, правительство в Багдаде дозволило еврею-финансисту Иосифу, сыну Пинхуса, ссудить казне срочную денежную сумму. В 931 г. наместники Фарса и Кермана сговорились не платить больше налогов, что заставило везира продать государственные угодья на сумму 50 тыс. динаров — это случилось в первый раз — и, кроме того, он должен был взять ссуду под половину дохода от налогов 932 г. Поэтому-то на этот год так мало осталось дохода. Сверх того он должен был занять 200 тыс. динаров, причем за каждый динар вынужден был дать 1 дирхем процентов — таким образом, вероятно, 7% в месяц. В 934 г. занятые суммы не смогли вернуть, и везир вынужден был частично выдать кредиторам передаточные векселя на налоговых чиновников Вавилонии, частично продать домены. В 935 г. везир вновь берет взаймы у богатых купцов; кроме того, были проданы принадлежавшие казне жилища у стены старого города и т. п.

Отныне в методах взимания налогов опять возрождаются дурные доисламские обычаи. Начало сдаче на откуп налогов на Востоке положили государственные займы, которые впервые применили при халифе ал-Муʿтадиде (892—901). В то время «мир был дик и глух, а казна пуста» и оставалась еще много времени до поступления налогов, а ежедневно нужно было 7 тыс. динаров для покрытия необходимых расходов, да и то при очень большом их сокращении. Тогда два находчивых чиновника уговорили одного финансиста принять на себя эту сумму, предложив взамен взять налоги нескольких округов Вавилонии. Везир и халиф страшно обрадовались найденному выходу, считая его чем-то чрезвычайно новым и хитроумным. В налоговой ведомости от 918 г. отданы на откуп налоги с Востока, Ахваза и Васита, за исключением ленных владений. В 918 г. халиф отдал на откуп за 3 млн. динаров в год доходы с Египта. На следующий год даже сам везир взял на откуп земельный налог с Вавилонии, Хузистана и Исфахана и взвинтил цены на зерно, так как в его амбарах скопилась значительная часть урожая. Это переполнило чашу терпения народа, и в Багдаде вспыхнуло восстание с обычной в таких случаях программой: было сорвано пятничное богослужение, разнесены в щепы минбары, сожжены оба моста, открыты тюрьмы, разграблен дом начальника полиции. Правительство наказало нескольких человек, пользующихся дурной славой, остальных оставило на свободе и распорядилось открыть амбары везира и его компаньонов. Договор на откуп был расторгнут, везир вынужден был сместить своих чиновников, но преспокойно остался на посту везира халифа, хотя и предлагал свою отставку. Откупщик земельных налогов, по крайней мере в Вавилонии, был не частным лицом, а облеченным должностью финансовым управителем взятой им на откуп области, в которой он сам назначал и смещал налоговых чиновников. Однако правительство держало при откупщиках чиновников-контролеров, которые доносили, когда откупщик зарабатывал слишком

много, но в первую очередь следили за тем, чтобы он также соблюдал вмененные ему в обязанность издержки, так как по обычаю он должен был заботиться об исправности каналов и мостов во взятом им на откуп округе, о посевах и общественной безопасности. …

В качестве «откупщиков» своих земель формально могли выступать большинство правителей областей. На пути к трону они для начала противозаконно занимали города и провинции, затем сражались с войсками халифа, чтобы в конце концов быть признанными повелителями за откупные суммы. Подобные вынужденные «откупа» были для правительства предприятием много худшим, чем обычные. Так, в 909 г. Йусуф ибн Абу-с-Садж взял на откуп не отошедшие к Саманидам северные земли империи (Армению и Азербайджан) за 120 тыс. динаров — эта «откупная сумма» равнялась приблизительно одной десятой налоговых доходов с обеих провинций сто лет назад. В 934 г. Буид ʿИмад ад-Даула захватил провинцию Фарс и затем потребовал ее у халифа на откуп, предложив за это миллион дирхемов, в то время как Фарс одним только земельным налогом и налогами с ленных поместий начиная с 911 г. на протяжении 20 лет приносил ежегодно 18 миллионов. …

Суровые меры при взимании налогов были исконно древними, но, пожалуй, и необходимыми. Управитель Бадурайи, сельскохозяйственного округа Багдада, писал везиру наступающего X в. ʿАли ибн ʿИсе: «Люди там известны своей толстокожестью и не очень чувствительны к тюрьмам и оковам»; он должен получить свободу действий, чтобы «направить их на верный путь» и выжать из них деньги. Везир, однако, определил, что за недоимки можно в лучшем случае применить долговую тюрьму, иное же — особенно пытки — непозволительно. Подобное определение соответствует теории, которая во времена Харуна ар-Рашида запрещала «из-за налогов бить плетьми, подвешивать на блоке и заковывать в цепи». И эта теория была при том же халифе применена на практике: «Вплоть до 800 г. имущих людей пытали за неуплату налога. Тогда это было отменено Харуном ар-Рашидом». В 803 г. на пост налогового управителя Египта был назначен некий человек, который обещал выколачивать налоги, не прибегая к помощи «плети и палки». Однако уже около 815 г. Дионисий из Телльмахры характеризует сборщиков налогов Месопотамии как «насильников, безбожных и безжалостных людей родом из Вавилонии, Басры и ʿАкула, более злобных, чем змеи; они избивали людей, бросали их в тюрьмы, подвешивали грузных людей за одну руку, что едва не влекло за собой их смерть». В конце IX в. принц Ибн ал-Муʿтазз воспевает административный стиль ненавистного ему везира Ибн Булбула и описывает, сколь безжалостно выколачивались при нем налоги:

> Не одного, не одного знатного, достойного, по-рыцарски благородного
> мужа — можно было видеть — волокли палачи в тюрьмы и налоговые управления.

Выставляли его на ад полуденного солнца, пока голова его не уподоблялась кипящему котлу.
Его руки опутывали пеньковыми веревками, которые прорезали суставы.
И подвешивали его на стенной крюк, как сосуд с холодной водой.
И били его по голове, как по барабану, коварно подмигивая глазами злорадствующего и друга.
Когда он молил спасти его от палящих солнечных лучей, сборщик налогов
отвечал ему пинками, а тюремный страж лил на него масло, так что
он превращался из бизза в....
Когда же пытка становилась ему невыносимой и он не мог уже избежать их требований,
Говорил он: Позвольте мне попросить взаймы у купцов, а если не удастся, то продать участок земли.
И дайте мне сроку пять дней, а потом заковывайте меня в цепи, как вам заблагорассудится.
Но они нажимали на него и давали только четыре, и из речей нельзя
было дальше ни на что надеяться.
И тогда приходили к нему нечестивые помощники и ссужали ему деньги из расчета один за 10 (т. е. 1000%),
Писали купчую на продажу и вынуждали его принести клятву на продажу.
Тогда платил он свой долг, уходил прочь, отнюдь не выказывая радости вблизи них.
А палачи приходили к нему и клянчили у него подачки, будто они массировали его в бане.
Если же он отказывался, они сдирали у него с головы повязку и расцарапывали ему шею и череп.

Еще более жестоким пыткам подвергали, когда дело шло о «возврате» государственных денег; в этом случае в первую очередь налагали тяжелые оковы на ноги и применяли битье и подвешивание за одну руку. Так поступил халиф ал-Кадир в отношении матери своего предшественника и брата, пока она не отдала свои деньги, не распродала имения и даже не прекратила религиозные пожертвования. Кади, который должен был засвидетельствовать ее подпись, увидал «бледную старую женщину со следами тяжких страданий; целый день ничто не радовало нас по причине такой превратности судьбы». Затем применялся также допрос с пристрастием, когда под ногти загоняли заостренную тростниковую палочку или били жертву дубинкой по голове. Некий очевидец описывает, в каком виде вернулась жертва из тюрьмы: «Оковы содрали кожу до крови, одежда была перепачкана, волосы отросли, а нервы его трепетали». Для усугубления мучений на жертву надевали шерстяное платье, пропитанное нефтью или мочой. Но когда в 936 г. тюркский кондотьер Беджкем ставил на тело людям, из которых он выжимал деньги, жаровню с раскаленными углями, ему указали, что это скверный обычай, которому он научился у персидского военачальника Мердавиджа: «Но здесь все же Багдад и обиталище халифа, а не Рей или Исфаган». И он действительно отказался от этого приема. Вообще эти допросы с пристрастием воспринимались как нечто богопротивное. …

24. ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ

В противоположность питающимся рисом индийцам и жителям Восточной Азии почти все городское население мусульманской империи питалось хлебом. Особенно отличались они от первых еще и тем, что все употребляли в пищу молоко. Оба этих основных продукта всякого хозяйства были, таким образом, те же, что и в Европе, с той только разницей, что на Востоке хлеб сохранил форму тонких круглых лепешек, какую ему придавали также и обитатели свайных построек в Европе. И, наконец, виды злаковых культур мусульманских стран одинаковы с европейскими.

В сельском хозяйстве европейского средневековья главным событием было вытеснение пшеницей проса и ячменя, тогда как на Востоке давно уже утвердилось господство пшеницы. Ее выращивали повсюду, где было достаточно воды, а просо (*дурра*) продолжало ограничиваться засушливыми зонами Юга (Южная Аравия, Нубия, Керман), потому что оно, «как кунжут и овес, почти не требует воды». «Оно — как пшеница, но едят его как рис». Месопотамия занималась исключительно выращиванием пшеницы, в качестве доказательства наступившего вздорожания здесь неизменно приводится уровень цен на пшеницу. Рис стоял на третьем месте после ячменя. На это обратили внимание китайцы; так, «Лин вай дайда» (1178 г. н. э.) сообщает о Багдаде следующее: все люди едят хлеб, мясо и *суло* <кумыс>, а вот рыбу, овощи и рис — редко. Другой китаец пишет ок. 1300 г. н. э. о Египте: народ существует хлебом и мясом, риса они совсем не едят. В Хузистане пшеница также еще стояла на первом месте, однако там уже выпекали рисовые лепешки и рисом питался народ. В болотистых местностях Мазендерана вынуждены были ограничиваться одним лишь рисом.

В Палестине и Египте выращивали огородную культуру, соответствовавшую нашему картофелю — *колокас*. Мы располагаем данными, свидетельствующими о наличии этой культуры в эпоху античной Греции на греческих островах, в Малой Азии и в Египте. Это клубни *таро* — мясистое, утолщенное корневище, которое в Полинезии еще до появления там европейцев было важнейшим продуктом питания. «Они имеют форму круглой редьки и покрыты кожурой; остры на вкус и жарят их в масле». «*Колокас* чистят и отваривают, воду, в которой он варился, следует сливать, лишь после этого его можно жарить в масле». Выращивали его в форме «пальцев» и «голов», причем первые были вкуснее и дороже, особенно хорош он «зимой к баранине».

Из числа фруктовых культур чаще всего выращивали виноград; надо сказать, что ал-Маварди, говоря о Вавилонии, отводит первое место виноградарству. Эта культура уже в то время имела огромное количество разных сортов: «Если кто-нибудь в пору ранней юности покинет дом и вплоть до старости будет странствовать по земле в поисках лозы от города к городу, чтобы изучить ее сорта и стать знатоком ее особенностей, пусть даже

в пределах одного только климата или одной только местности, то и то не сможет он с этим справиться; слишком много будет это для него». В Южной Аравии было обычным выращивать гигантские виноградные грозди; говорят, что из тех мест один из наместников Харуна ар-Рашида доставил как-то на верблюде две грозди винограда — по одной в корзине. С армянских и индо-иранских гор вывозили крышки для столов из дерева виноградной лозы по 20 пядей в окружности. Названия сортов винограда были частью народные, как, например, «коровий глаз», «сахар», «кончики пальчиков монашки», «бутылочки», но чаще всего обозначали место происхождения сорта: мулахитский, джурахитский, славянский. Виноградная лоза, которую, по Страбону, впервые принесли в Вавилонию и Персиду (Фарс) македоняне, распространилась таким образом по всей империи, а арабское нашествие в свою очередь принесло на Восток новые сорта. …

IX век добавил к ассортименту плодов империи сразу же два вида цитрусовых, среди которых самым важным был лимон, другим же являлся померанец (*наранджс*). Оба этих фрукта наряду с другими дорогими сортами фруктов были предложены гостям во время одного дворцового празднества в Самарре приблизительно в середине IX в., причем источник, писавший в X в., особо упоминает о померанце, замечая, что в то время он был большой редкостью. Эти плоды воспевает принц Ибн ал-Муʿтазз в конце IX в., однако они, кажется, так и остались в узком кругу потребителей. В 944 г. ал-Масʿуди пишет: «Померанцевое дерево и дерево круглого цитруса были ввезены из Индии после 912 г. и высажены в Омане. Затем они были доставлены в Басру, Месопотамию и Сирию, пока их не стало много в домах Тарса, Антиохии, сирийского побережья, Палестины и Египта, где их раньше не знали. Но они лишились тонкого винного аромата и красивой окраски, которые они имели в Индии». Померанцевые деревья стояли у халифа ал-Кахира (932—934 гг.) в его небольшом дворцовом саду, и он к ним привязался всем сердцем. Привезены они были туда из Индии через Басру и Оман. А во времена ал-Мукаддаси их выращивали уже и в Палестине. Что же касается лимона, то в X в. Ибн Хаукал должен был впервые представить его своим читателям: «В Синде, самой южной провинции империи, нет ни винограда, ни яблок, ни орехов, ни груш, а только сахарный тростник, и, кроме того, есть у них плод, имеющий форму яблока, называемый лимон, очень кислый». То же мы находим и у ал-Мукаддаси: «К числу особенностей Синда относится их лимон — это плод, похожий на абрикос, очень кислый». На протяжении всего X в. лимон оставался предметом ввоза и лишь позднее, пройдя из Индии через Оман, нашел себе новую родину в Месопотамии. … Однако на приготовление лимонада этот новый плод еще не употребляли, и в X в. новым достижением утонченной жизни являлось скорее питье воды со льдом, как это делали в Багдаде, «мы же, в жалкой Басре, пьем омерзительнейший напиток: цитрусовую воду, противную, тяжелую, тягучую и резкую, как холерный стул».

Больше всего была распространена торговля арбузами, и поэтому городские фруктовые хранилища просто назывались «арбузный дом». Особенно известностью пользовались арбузы Северо-Восточной Персии: арбузы из Мерва доставлялись в Вавилонию нарезанными на куски — факт, неизвестный в отношении какого-либо другого города. «Дыни из Шубаркана (между Мервом и Балхом), — подтверждает Марко Поло, — нарезаются на тонкие пластины в форме спирали, как у нас тыква, а затем, когда они высохнут на солнце, их посылают в больших количествах на продажу в соседние страны». Дыни доставляли в Багдад также в свежем виде на льду в свинцовых ящиках. Если они прибывали целыми и неповрежденными, то за них платили по 700 дирхемов за штуку!

Роль, которая в наши дни принадлежит американскому томату, играл в то время гранат. Наряду с плотами леса и плотами, груженными маслом, упоминаются также огромные суда с этими фруктами, «плывущие с Евфрата в Багдад».

Самыми лучшими яблоками считались сирийские, их вывозили в Египет, причем ежегодно ко двору халифа доставляли 30 тыс. штук в мехах. На Востоке яблони не принимались, «так как они не в состоянии переносить горячие сухие ветры пустыни».

Торговля финиками приводила в движение огромные количества грузов. Основными производителями фиников были Вавилония, Керман и Северная Африка. Высококачественным товаром считался месопотамский финик. В документах называется много разных сортов фиников. В финиковых районах Северной Африки в хороший год можно было получить верблюжий вьюк этих плодов за 2 дирхема; в Кермане цена 100 манов фиников порой падала до 1 дирхема, а надо сказать, что Керман снабжал ими всю Персию. Ежегодно около 100 тыс. верблюдов большими караванами тянулись на юг, чтобы достать там этих с нетерпением ожидаемых плодов. Погонщики караванов были буйные парни, «распутство в караванах было велико», и жителям Кермана они так досаждали, что те давали каждому хорасанскому погонщику по одному динару, когда он снова покидал их страну. Точно так же и караваны, тянувшиеся через Сахару в страну негров, были нагружены в основном финиками, взамен они доставляли обратно рабов и золото.

Оливковое дерево — растение средиземноморское; Сирия и Северная Африка снабжали оливковым маслом всю империю. Самое лучшее масло поступало из Сирии, особенно большое количество оливковых деревьев насчитывал г. Набулус. В Алеппо масло хранилось в больших цистернах. При взятии города в 962 г. греки влили в них воду, чем заставили масло вытечь наружу. Тунис снабжал оливковым маслом еще древний Рим. В X в. в Сфаксе добывали так много оливкового масла, что за один динар можно было получить 60 и 70 кафизов, и в наше время ни в одной из средиземноморских стран не умеют так ухаживать за оливковым деревом,

как там. Жители прочих провинций выходили из положения, употребляя редечное и репное масло в Египте, кунжутное — в Вавилонии и Афганистане, но в Фарсе уже опять выращивали оливковые деревья.

Вследствие высоких цен на сахар сахарный тростник сажали всюду, где только можно, даже в Галилее и близ Тира. Несмотря на то что разведение сахарного тростника в Египте уже для VIII в. доказано данными папирусов, географы X в. не говорят о нем ни слова; но в XI в. эта культура, кажется, приобрела большое значение — может быть, из-за прекращения политической связи с Востоком, ибо Насир-и Хусрау сообщает в 1048 г.: «Египет производит много меда и сахара». Главной областью разведения сахарного тростника был Хузистан, причем самый прославленный тростник произрастал в районе Гундайсабура <Джундишапур>. В Вавилонии разведение тростника играло наибольшую роль в окрестностях Басры. Даже и в Испании верующие мусульмане сделали сахар продуктом местного производства. Совершенно особым образом упаковывался йеменский столовый сахар: его сушили на солнце, затем им набивали ивовые трубки и в таком виде на несколько дней ставили в ледник, пока он не затвердевал. Отверстия трубки заделывали гипсом. При употреблении трубки разламывали, а сахар резали ножом на подносе или на хлебной лепешке. Этот сахар вывозили в Вавилонию и Мекку.

В роли нашей трески выступал осетр (*тиррих*) из оз. Ван, которого в засоленном виде доставляли вплоть до Алеппо и даже до Афганистана. На Западе его место занимал тунец (*тунн*), которого ловили у берегов Испании и лежащей напротив Африки (главным образом у Сеуты) и оттуда в сушеном виде продавали дальше. Охотились на него при помощи гарпуна. В народе жило поверье, будто тунец ежегодно уходит от берегов Африки в Средиземное море, чтобы там совершить паломничество к какой-то скале. …

Камфару, эту драгоценнейшую и излюбленнейшую специю, привозили как на Запад, так и в Китай с островов Борнео и Суматры мусульманские мореходы. Ладан же, который раньше поставлял как главный товар Йемен, в исламском мире вышел из моды. Он, правда, еще упоминается, однако уже полностью вытеснен амброй, лучшие сорта которой также приходили из Южной Аравии.

Веселая пестрота восточной одежды происходила оттого, что первоначально каждая местность употребляла краски, непосредственно находящиеся под руками. Так, бедуин использовал черный цвет козьей шерсти и белый — овечьей. В X в. жителей Северо-Африканской Барки, «которая совсем красная из-за красной земли», отличали в египетской столице от остальных жителей Запада по их красной одежде. В общем же надо сказать, что торговля уже произвела свое выравнивающее воздействие и распространила два основных красящих вещества, дающих отличные синий и красный цвета,— индиго и *кермез* (откуда совр. karmin) по всей империи. В одном только Кабуле ежегодно продавалось на 2 млн. динаров индийского

индиго, причем это драгоценное сырье, как и сахарный тростник, разводили на любом мало-мальски пригодном участке земли. В Верхнем Египте индиго составляло основную культуру оазисов, в Палестине близ Зоʿара и в Базане, в Кермане, на Мертвом море, «где велась большая торговля индиго, заменявшим крашение кабульским индиго из Кабула». В Египте индиго можно было срезать каждые 100 дней, однако на первый год его надо было поливать раз в 10 дней, на второй — 3 раза, на третий — четыре раза. Из этого видно, что культура эта пришла из страны с десятичной системой.

Основным источником, откуда поступал кермез, была Армения, особенно провинция Айрарат; отсюда его доставляли вплоть до Индии.

Для окраски в желтый цвет употребляли натуральный шафран, сафлор и арабский шафран (*варс*) — похожее на кунжут растение, которое росло только в Йемене. Йеменские верблюды, «сплошь покрытые желтой пылью» от их драгоценной ноши, тянулись на север. Наряду с другими красителями *варс* едва принимали в расчет, и все же, несмотря на это, итальянцы назвали по нему бразильское дерево — verzino. Шафран ценился столь высоко, что в 860 г. посол халифа привез его в виде дара императору Византии. Из-за его отличных качеств шафран выращивали во многих местах — в Сирии и на юге Персии, но основным местом его добычи была древняя Мидия. На Западе его вывозили в больших количествах из Толедо.

…Основным продуктом области оз. Чад (Судан) были квасцы, которые вывозили как в Марокко, так и в Египет. Соль, добываемая в копях Сахары, приводила в движение тысячи верблюдов и носильщиков, а морская соль с берегов Атлантического океана проникала глубоко в Судан.

Единственные значительные месторождения нашатыря (*нушадир*), этого основного вещества химии той эпохи, были расположены в противоположных концах мусульманского мира — в Мавераннахре и в Сицилии. Первое месторождение было много более важным; по нему, в частности в Европе, это лекарство с давних пор называлось татарской солью. «В горах Буттама есть пещера, над которой построен дом с закрытыми дверями и окнами. Из этого провала подымается пар, который днем похож на дым, а ночью — на пламя. Когда пар осаждается, из него выпадает аммиак. Входящие в этот дом люди должны закутываться в мокрые войлочные покрывала, в противном случае они сгорят. Пар этот переходит с места на место; и когда он исчезает в одном месте, то в поисках его начинают копать в другом месте, пока он вновь не покажется на поверхности. Если нет постройки, мешающей ему улетучиваться, то к нему можно приблизиться без вреда, но если он находится под давлением в постройке, то он сжигает входящего своим непомерно высоким жаром». Удивительные сведения о долине аммиака сообщает ал-Масʿуди в 944 г.: «Там, где берут свое начало большие реки Китая, находятся аммиачные горы. Летом, в ночную пору, уже за сто фарсахов виден огонь, днем же из-за большой яркости солнечного света он кажется паром. Оттуда вывозят аммиак. Тот, кто хочет летом

проехать из Хорасана в Китай, попадает в эту местность и находит между этих гор долину протяженностью в сорок-пятьдесят миль. Он приходит к людям, живущим в начале долины, и обещает им хороший заработок. Они взваливают его багаж на плечи, в руках у них палки, которыми они бьют по обоим бокам идущего впереди носильщика и путешественника, чтобы они без устали шли, не останавливались и не погибли бы от тягот этой долины. В конце долины — болота и пруды, в воды которых бросаются от больших страданий и жары, причиняемой аммиаком. Ни одно животное не может пройти этой дорогой. Летом аммиак горит ярким пламенем, и тогда вообще уж никто не может вступить в эту долину. Но зимой, когда выпадает много снега и дождя, которые понижают жар и тушат огонь, люди входят в эту долину, однако животные не могут. Кто спускается из Китая, того бьют так же, как подымающегося туда». В 982 г. н. э. китаец Ван Янь-дэ посетил рудник, где добывали аммиак, и сообщил о нем: «Аммиак добывают в горах севернее Петина, откуда постоянно вздымаются столбы пламени. По вечерам видны огни, как бы исходящие от факелов, так что можно разглядеть птиц и полевых мышей этих гор, которые кажутся тогда целиком красноватыми. Собиратели [аммиака] носят обувь на деревянной подошве, потому что кожаные сгорели бы». …

Что касается обоих благородных металлов, то различные области мусульманской империи наилучшим образом дополняли друг друга. Так, Восток поставлял серебро, а западная часть — золото. Клондайком того времени была знойная пустыня на восток от Верхнего Нила, между Асуаном и ʿАйзабом. Столицей золотоискателей был <Вади> ал-ʿАллахи, на расстоянии 15 дневных переходов от Асуана. Ночью при слабом лунном свете выходили золотоискатели на разведку и отмечали те места, где они замечали что-нибудь блестящее. На следующий день они промывали песок на этих участках, смешивали золото со ртутью и расплавляли его. Искатели счастья устремились туда лишь начиная с середины IX в., после того как в 855 г. энергично проведенный поход правительственных войск небольшими, но отборными силами образумил непокорных до той поры буджжа. С того времени датируется поглощение тамошнего местного населения арабскими племенами; так, уже в 944 г. распространил свою власть над золотой страной вождь арабского племени рабиʿа. Абу-л-ʿАла ал-Маʿарри (ум. 1057) прямо так и сказал египетскому халифу, предложившему ему деньги: «Я богат, как самый богатый человек, а потому оставь меня со своим рудником Асуана». Второй значительный золотой источник изливался в Судане: «Золото — основной товар у чернокожих, от мала до велика все живут им». Все караваны, которые шли с юга через Сахару, везли золото и рабов; носильщики несли туда соль, а обратно — золото, и притом все на голове, «так что они становились совершенно лысыми».

… Самый богатый серебряный рудник ислама был расположен на восточном конце империи, в Гиндукуше, так называемое «пятихолмие» —

Пенджхир. В то время там насчитывалось 10 тыс. рудокопов, «которые с головой погрязли в распрях и пороках».

«Серебряные монеты там настолько в ходу, что почти все стоит целый серебряный дирхем, пусть даже это будет ломтик овощей. Серебро таится в недрах вершины одной горы, возвышающейся над городом, которая из-за сплошных ям выглядит как решето. Рудокопы идут только лишь по ходу тех жил, которые определенно ведут к руде. Когда они нападают на такую жилу, то они неустанно копают, пока не натыкаются на серебро. Случается так, что кто-нибудь выкапывает там около 300 тыс. дирхемов, нередко кто-нибудь находит и такое, что его самого и его потомков делает богатыми людьми, нередко зарабатывает он по меньшей мере стоимость своих издержек, но часто бывает и так, что он становится нищим, когда, например, вода и другие препятствия одерживают верх. Порою один рудокоп идет по ходу жилы, а другой пробирается к ней по другой расселине, и они начинают копать вместе. В этом случае существует обычай, что тот, кто первым нападет на руду и станет поперек дороги своему сопернику, имеет право на рудник и на его разработку. Копая так наперегонки, они работают, как дьяволы,— ведь если один из них первым доберется до руды, то пропали все старания другого. Нападут они на руду одновременно, тогда они делят добычу поровну. Они углубляются в землю только до тех пор, пока горят свечи и фонари, когда же они доходят до такой глубины, что тухнет огонь, они перестают углубляться. Кто же проникает глубже, погибает в самый короткий срок. Бывают такие случаи, что кто-нибудь утром богат, а к вечеру беден или утром беден, а вечером богат».

Серебряные рудники под Исфаханом в IX в. были уже давно заброшены; вынуждены были отказаться и от более удаленного серебряного рудника в Бадгисе (Афганистан), так как кончились дрова.

Напротив, медные рудники под Исфаханом в IX в. платили налог в сумме 10 тысяч дирхемов. Медь для сверкающих куполов минаретов поступала из Бухары. Областью наиболее высоко развитой добычи железа и самого высокого уровня железообрабатывающих промыслов был Фарс, однако и Бейрут, Керман и Кабул имели железные рудники. Железные орудия из Ферганы пользовались такой славой, что их вывозили вплоть до Вавилонии. «Железо из Ферганы легко обрабатывается». На Западе крупный железный рудник находился в Сицилии, а из Африки, где издревле существовала обработка железа, поступало железо, которое в Индии перерабатывалось в высококачественные товары. Что же касается Передней Азии, то там железо все еще продолжало оставаться редкостью. …

Самые важные ртутные месторождения мусульманской территории лежали в Испании, близ Толедо. «На руднике работало свыше 1000 человек. Одни спускались в шахту и рубили горную породу, другие доставляли дрова для выжигания минерала, третьи изготовляли тигли для плавки, сосуды для дистилляции и, наконец, четвертые обслуживали печи. Я видел эти

разработки и узнал, что дно рудника лежит на глубине в 250 человеческих ростов под землей».

… Оценка драгоценных камней была в то время иной, чем сейчас. Один автор X в. перечисляет самые благородные камни в следующем порядке: бирюза из Нишапура, яхонт с Цейлона, жемчуг из Омана, смарагд из Египта, рубин из Йемена и бизади из Балха. Аналогичным образом располагает их около 1009 г. ал-Бируни: яхонт, смарагд, жемчуг. Значит, алмаз не занимал в то время того особого, исключающего едва ли не все прочие драгоценные камни положения, как в наше время. Яркие камни, светящиеся спокойным ровным светом, ценили тогда выше. В Хорасане и в Вавилонии алмаз использовали только для сверления и в качестве яда. Знатные люди использовали его для самоубийства: когда они попадали в руки к врагам, их ожидали неизбежные мучения и унижения, они проглатывали этот камешек и умирали от этого. Голубая бирюза (*фирузадж*) добывалась только под Нишапуром. Фрезер посетил в 1821 г. холм, расположенный приблизительно в 60 км на северо-восток от города. Этот драгоценный камень извлекается примитивнейшим образом при помощи молотков в небольших ямах. И всё же видно, что ранее работа здесь велась в более крупных масштабах.

Двести лет спустя вкусы изменились, и этот драгоценный камень стал так широко применяться для колец с печаткой, что знать не стала им больше пользоваться. Такая же участь постигла и высоко ценившийся в X в. рубин. В XII в. он был так распространен в народе, что люди знатные использовали только крупные куски на баночки под благовонные притирания, кубки и т. п.. Самые красивые рубины добывались в Южной Аравии под Санʿа — «порой выходит на поверхность кусок со скалу, а порой вообще ничего». Афганские Альпы также доставляли драгоценные рубины, которые выкапывали в рудниках, как золото или серебро.

…

В художественном промысле особой популярностью пользовался пестрый, полосатый оникс, который вывозили из Йемена. Его перерабатывали на подносы, рукоятки мечей и ножей, чаши, и его пестрый блеск украшал почти все столы знатных людей.

Драгоценный коралл вылавливали, как и в наши дни, у берегов Северо-Восточной Африки (Марса ал-хараз), в Сеуте и т. д.. Его добычей были заняты обычно от пятидесяти до двадцати человек. Они бросали в море деревянные гарпуны, крестообразной формы, обмотанные свободно свисающими льняными нитями. Нити эти зацеплялись за коралловые рифы, и, когда корабль поворачивал обратно, отламывали большие куски стоимостью от 10 до 100 тысяч дирхемов. Кораллы были главным предметом торговли в Судане, однако особенной популярностью они пользовались у индийских женщин, и во времена Марко Поло их ввозили в Кашмир из Европы.

Жемчуг Аравийского <Персидского> залива считался лучшим даже в Китае. Ловцы жемчуга работали, как еще и в наши дни, с апреля по октябрь, главным образом — август и сентябрь. Ловля жемчуга была организована совершенно на капиталистический лад: предприниматель нанимал ныряльщиков на два месяца из расчета по 30 дней, за которые он исправно платил им. Прибыль, которая при удачных обстоятельствах была огромной, доставалась целиком ему. … Предприятие это было крайне трудным. Доисламский поэт ал-Аʿша описывает ловца жемчуга, как он «во главе четырех, различных по цвету [кожи] и телосложению ловцов выезжает на утлой лодке, затем со стиснутыми зубами, выпуская изо рта масло, опускается в море, которое уже убило его отца. Потом его осаждают вопросом: Не продашь ли? — но он обеими руками прижимает к груди драгоценную добычу».

В начале X в. ал-Масʿуди сообщает следующее: «Ныряльщики питаются исключительно рыбой, финиками и т. п. Им протыкают отверстия у основания ушей, чтобы дыхание могло выходить там вместо ноздрей, потому что на нос насаживают нечто похожее на широкий наконечник стрелы из панциря морской черепахи или рога — но не из дерева, — которое его сжимает. Уши затыкают хлопком, смоченным в каком-то масле. Небольшое количество этого масла выжимают внизу под водой и тогда оно светит им. Ступни и голени они красят черным, чтобы их не хватали морские звери, ибо они убегают от черного. Внизу в море ныряльщики лают, как собаки, чтобы слышать один другого».

…

На западе империи леса были вырублены еще в древности, на востоке леса сохранились лишь в недоступных местах; выше уже шла речь о том, что горное дело на Востоке было парализовано из-за отсутствия дров. «Земля Бухары была настолько заболочена, что там совершенно не было высоких деревьев». «Зато это способствовало там такому буйному росту травы, что в ней целиком исчезала лошадь». Чтобы исправить положение с топливом, на помощь приходила мощно развитая лесоторговля. Афганский лес, главным образом кипарис, продавался по всему Хорасану. Корабельный лес поступал из Венеции и Верхнего Египта. Для строительства домов в Багдаде и на всем Востоке самым ценным считался лес из индийского тикового дерева, который шел на богатую резьбу по дереву во всех домах вельмож. На Средиземном море эту роль играла пиния. Форт ат-Тинат близ Александретты был транзитным торговым центром сирийской сосны, откуда она вывозилась в другие порты Сирии, в Египет и Киликию. В Испании самым знаменитым считался сосновый лес Тортосы. Это дерево «красное, со светлой корой, твердое, гниет не скоро и его не точат жуки, как другие деревья. Из этого дерева был сделан потолок мечети в Кордове». …

Египет, Южная Аравия, Вавилония, северо-восток Персии, Мавераннахр и Афганистан являлись теми областями империи, в которых

приходилось решать важные ирригационные проблемы. Законодательные акты по вопросам водопользования часто представляли собой искуснейшие сплетения тончайших определений. Однако, пожалуй, общим для них всех было основное положение канонического права: «Воду нельзя ни покупать, ни продавать». Таким образом, делать дела на одном только орошении не имели права ни отдельные лица, ни государство.

В Вавилонии правительство должно было заботиться о поддержании в исправности плотин, дамб и шлюзов, для чего существовал целый класс правительственных чиновников-инженеров. Это была трудоемкая работа, так как дамбы строились из камыша и земли, «часто мышиная нора являлась причиной прорыва плотины, которую затем размывала вода; один час мог уничтожить усилия целого года». Рачительный правитель Муʻизз ад-Даула настолько серьезно относился к этому делу, что однажды во время прорыва дамбы собственноручно носил землю в подоле своей одежды, являя тем самым достойный подражания пример своему войску. Весьма совершенным был, кажется, порядок пользования водой в Восточной Персии. В Мерве имелось ведомство воды, у главы этого ведомства в подчинении было 10 тыс. служащих, и он пользовался большим весом, чем начальник полиции этой области. … Районы Восточной Персии, расположенные в стороне от основных рек, снабжали водой совершенно гениальные оросительные сооружения. Там дело шло о том, чтобы при наличии незначительных речек и ручейков собрать до последней капли воду, образуемую осадками и просачивающуюся из трещин горных склонов, а также грунтовые воды. Этой цели служила так называемая *система кяризов*. В земле рыли длинные, еще и сегодня достигающие длины в 50 км штольни со слабым уклоном, причем на определенном расстоянии на поверхность выходили вентиляционные колодцы. Знамениты были такие сооружения Кума и особенно кяризы восточноперсидского города Нишапура, где нужно было спуститься на 70 ступеней по специальным лестницам, чтобы попасть в штольню. Благодаря этим сооружениям город снабжался чистой всегда прохладной питьевой водой. Выполнение этих работ требовало высокого мастерства, «водоносные слои должны встретиться с водоводом в том месте, где они соприкасались с водонепроницаемым подстилающим слоем, и далее этот слой должен был иметь достаточный угол падения, чтобы ускорять сток воды».

…

25. РЕМЕСЛА

Из числа трех основных потребностей человеческого тела — пищи, одежды и жилья — для жителей Переднего Востока самым важным являлась одежда. Искусство одеваться достигло высшего совершенства, а почти все внутреннее убранство сводилось к бесчисленным цветным занавесям. Вести роскошный образ жизни означало здесь прежде всего хорошо одеваться, а

жить в уюте — иметь на стенах и на полу красивые ковры. В жизнеописании аскета ат-Туси (ум. 955) особо отмечается: «У него совсем не было ковров». Таким образом, ковроткацкое производство было распространено повсюду и считалось самым важным ремеслом. Отдельные типы ковров являлись прямо-таки составной частью национального убранства, ибо совершавший путешествие по империи мог по обстановке комнаты определить, в какой провинции он находится. В то время ковры подразделялись на три основных типа: 1) ковры на стену, 2) ковры для пола и дорожки и 3) ковры, которые не были предназначены, чтобы по ним ходить. К этому присоединялись еще и более мелкие разновидности: молитвенные коврики, стеганые одеяла, подушки под спину, под голову и прочие подушки.

Текстильной специальностью Египта был лен, произраставший главным образом в Файюме и даже вывозившийся в Персию. Мумии запеленывались исключительно в полотно. Техника обработки волокна была настолько направлена на производство тончайшего полотна, что даже немногие шерстяные товары производились аналогичным способом: Таха в Верхнем Египте славилась своими тонкими шерстяными тканями. Центрами производства полотна в Египте были Файюм и «озеро Тинниса» в устье Нила с населенными пунктами Тиннис, Дамиетта, Шата и Дабик. Раньше именно последний был главным местом; производства этого полотна, так как самая прославленная ткань называлась по нему «дабикской», но в X в. важнейшими центрами полотняной промышленности стали Тиннис и Дамиетта. Специфически египетской особенностью было производство некрашеного белого полотна. «Египетские ткани белы, как пленка вокруг содержимого яйца, йеменские — как весенние цветы»,— говорили в эпоху Омейядов. Эти ткани ценились на вес серебра. Они были настолько плотно сотканы, что это давало возможность громкий crepitus ventris сравнивать с шумом, возникающим при их разрывании; их использовали как материал для географических карт. Стоимость куска этого полотна доходила до 100 динаров, но так как в нем часто имелись еще и золотые нити, то иногда он обходился вдвое дороже. Роскошные изделия ткачей из Тинниса, так называемые бадана, вырабатывавшиеся для халифа, сразу же ткали в форме облачения, так что их не нужно было ни кроить, ни шить. В них содержалось всего лишь 2 унции льняной нити, все остальное было золото; стоили они 1000 динаров. Дорогие завесы из Файюма длиной 300 локтей стоили 30 динаров пара.

…

По своему типу промышленность в дельте Нила была кустарной: женщины пряли, а мужчины ткали полотно. Торговцы тканями выплачивали им поденную заработную плату, а продавать они имели право только назначенным правительством посредникам. В начале IX в. ткач получал полдирхема в день, так что «ему не хватало на хлеб насущный», — так, по крайней мере, жаловались местные жители проезжавшему патриарху

Дионисию из Телльмахры. Из-за всевозможных поборов товары дико дорожали.

На Востоке, в Фарсе, также был район производства полотна, главным городом которого был Казерун, называвшийся «Дамиеттой Фарса». … Ибн ал-Балхи, составивший ок. 1106 г. свое описание Персии, следующим образом излагает процесс изготовления тавваджского полотна в Казеруне:

> *лен мочили в прудах, затем трепали и пряли из него нить. Эту льняную нить отмывали в воде канала Рахбан; несмотря на то что воды в этом канале мало, она имеет свойство отбеливать льняную нить, в то время как в другой воде нить никогда не становится белой. Этот канал Рахбан является собственностью шахской казны, и доход с него принадлежит эмиру, так как казна разрешает пользоваться им только ткачам, которые ткут материал по ее заказу. Инспектор от казначейства осуществляет надзор, а посредники устанавливают настоящую цену ткани, опечатывая кипы, прежде чем их вручат чужеземным купцам. Последние полагались на маклеров и покупали эти необшитые кипы в том виде, как они перед ними лежали, и в каждом городе, куда эти кипы доставляли, интересовались исключительно лишь сертификатом казерунского маклера и продавали килы, не вскрывая. Таким образом, нередко случалось, что партия казерунских кип свыше десятка раз переходила из рук в руки, причем кипы так и не распечатывались. Но теперь, в эти последние дни, появился обман, люди стали нечестными и пропало всякое доверие, ибо товары с печатью казны зачастую оказывались низкосортными, и поэтому чужестранные купцы стали избегать казерунских изделий.*

Что же касается шерстяных ковров, то прежде всего различали персидские, армянские и бухарские. В Фарсе ткали подлинно «художественные ковры», причем самыми лучшими считались ковры, изготовленные с применением техники сусанджирд. Однако в ту эпоху выше всего ценили армянские ковры, т. е. малоазиатские, предшественники наших ковров из Смирны. Уже в доме омейядского халифа ал-Валида II пол и стены были покрыты армянскими коврами. Супруга ар-Рашида восседала на армянском ковре, а ее женщины — на армянских подушках. У одного ювелира, который около 912 г. был самым богатым человеком в Багдаде, превозносят лишь одни армянские и табаристанские ковры, то же самое и в сокровищнице матери ал-Муктадира. Некий вассал подарил халифу ал-Муктадиру, между прочим, семь армянских ковров. Из персидских ковров также больше всего ценились те, что не уступали армянской работе, хвалили

лучшие персидские ковры и из области Исфагана за то, что они более всех остальных приближаются к роскошным армянским; правда, и сами по себе они также вполне удовлетворительны. Еще Марко Поло заметил: «В Армении ткут самые лучшие и самые красивые ковры». Вероятнее всего, причиной этой высокой оценки была армянская шерсть, которую ас-Саʿалиби ставит на первое место после египетской, но в первую очередь это был знаменитый армянский красный цвет. «Красный — это цвет женщин, детей и радости. Красный цвет — самый лучший для глаз, так как от него расширяется зрачок, в то. время как от черного он сужается», — поучает ал-Масʿуди в 943 г. На складе ковров в Каире чаще всего расхваливали красные ковры, а о «малиновых коврах» египетского города Асьюта сказано: «Они похожи на армянские».

…

Местности, славившиеся своими товарами, снабжали их вытканной фабричной маркой — «производство такой-то местности», причем, естественно, что без мошенничества дело здесь не обходилось. Так, например, совершенно неизвестные местечки проставляли на своих занавесях хорошо себя зарекомендовавшие названия Басинна, а на ткани для одежды из Хузистана ставили штамп Багдада.

В персидской провинции Сабур, как во французской Ривьере, процветала особая отрасль промышленности — парфюмерное производство. Там изготовляли десять сортов масел из фиалок, лотоса, нарциссов, карликовой пальмы, лилий, белого жасмина, мирты, майорана и померанцевой корки. Пробовали заняться этой прибыльной отраслью также и в Вавилонии: Куфа прибавила еще гвоздичное масло, а в производстве фиалкового масла даже превзошла персов. Сходное производство, но резко отличавшееся от первого, имело свой центр в расположенном на юге городе Джур. Там приготовляли ароматную воду, однако из совершенно других цветов: из розы, цветов пальмы, божьего дерева (*кайсум*), сафлора и вайды. Оттуда розовая вода вывозилась, по всему свету, «в Магриб, Испанию, Йемен, Индию и Китай». Эти важные отрасли промышленности, о которых ничего не сообщают античные источники, возникли, должно быть, в эпоху ислама.

В это время среди жителей деревни и города больше уже не слышно о надоедливой повинности тяжкого помола зерна на ручных мельницах: на реках стояли плавучие мельницы, на ручьях постукивали водяные мельницы. Одна только «чертова река» Джируфта в Кермане <то есть река Халил-руд> приводила в движение 50 мельниц, а в Басре даже взялись за разрешение одной из наиболее современных проблем гидравлики: в устьях каналов, почти целиком питавшихся водой за счет прилива, были выстроены мельницы, вращаемые отступающей во время отлива водой. Только там, где не было воды, зерно мололи при помощи скота. … Большие плавучие мельницы Вавилонии стояли на Тигре, а не на Евфрате, а именно в Текрите,

Хадисе, ʿУкбара, Барадане и Багдаде, к этому надо еще добавить прославленные мельницы в Мосуле и Беледе. Последняя работала сезонно, только в те дни, когда в Вавилонию водным путем поступал очередной урожай зерна. Что же касается мельниц Мосула, то о них мы имеем более подробные описания: состояли они только из дерева и железа и были подвешены на железных цепях посредине протока. Каждая мельница имела по два жернова, каждый из которых ежедневно перемалывал по 50 верблюжьих вьюков зерна. Самая крупная мельница Багдада — мельница Патрикия — имела 100 жерноставов и, как говорят, ежегодно давала 100 млн. дирхемов дохода.

Передают, что еще убийца халифа Омара I, перс родом из Нихавенда, вызвался построить мельницу, которую будет вращать ветер. Однако в X в. еще только Афганистан пользовался для ветряных, мельниц своими сильными и чрезвычайно упорными ветрами, как, например, *бад-и сад-у-бист руз*, который называется так потому, что дует 120 дней подряд. Эти ветры держатся еще и теперь: «Северный ветер начинает дуть около середины июня и держится два месяца. Ветряные мельницы построены исключительно в расчете на него. Они имеют восемь крыльев и стоят позади двух устоев, между которыми ветер прорывается как клин. Крылья установлены вертикально на отвесно же установленном столбе, нижний конец которого приводит во вращение жернов, расположенный над другим жерновом». Мы видим, таким образом, настоящую ветряную турбину! Сведения, приводимые ал-Гузули (ум. 1412), говорят о том, что их можно было регулировать подобно нашим водяным турбинам, открывая и прикрывая отверстия.

В области производства бумаги IX и X века также произвели великий переворот, освободивший писчее дело от монополии одной страны и существенно его удешевивший. Пока писали на папирусе — существовала зависимость от Египта, теперь же «китайская бумага, изготовлявшаяся только в Китае и Самарканде, вытеснила из употребления египетский папирус и пергамент, на которых писали предки». В конце IX в. ал-Йаʿкуби говорит лишь о двух небольших городах Нижнего Египта, еще занятых выработкой папируса. Даже сицилийский папирус теперь в очень ничтожном количестве перерабатывался в писчий материал для правительства, большей же частью из него вили корабельные канаты, как еще в эпоху Гомера. «Можно принять с большой долей вероятности, что приблизительно к середине X в. н. э. переработка в Египте папируса в материал для письма полностью заглохла. С 935 г. совершенно прекращаются датированные папирусы, в то время как в 912 г. появляются датированные документы на бумаге». В то время лучшей бумагой в империи была заимствованная из Китая бумага *кагиз*, которая, однако, в руках мусульман подверглась изменению, имевшему всемирно-историческое значение. Они уничтожили зависимость бумаги от тутового дерева и бамбукового тростника, изобретя

бумагу из тряпья. …

Изготовление точных астрономических и математических приборов в Харране, этом последнем пристанище древнего звездного культа, было связано со своеобразным религиозным положением города, точность харранских весов вошла в поговорку. А в городе паломничества, Иерусалиме, уже тогда вовсю шла процветающая и ныне торговля четками.

26. ТОРГОВЛЯ

… Да, мусульманской торговле X в. была свойственна горделивая осанка! Она стала хозяйкой в своем доме, во все стороны шли ее суда и караваны, она заняла ведущее место в мировой торговле, Багдад и Александрия устанавливали цены (по крайней мере, на предметы роскоши) для человечества того времени. … Подъем мусульманского торгового судоходства вытеснил чужеземных комиссионеров.

Вторым великим достижением X в. было открытие мусульманскими купцами русского Севера. Правда, связи между Россией и Востоком существовали еще и до этого. Мы располагаем описанием торгового пути «русских», т. е. норманнских, купцов, относящимся к IX в.: «Они являются одним из славянских племен и доставляют бобровые шкуры и мех черных лисиц, а также и мечи из самой отдаленной части страны славян к греческому морю, где повелитель греков взимает с них десятину. Порой они спускаются по Дону, реке славян, проходят через Хамлидж, главный город хазар, повелитель которых берет с них десятину, до Каспийского моря и сходят на берег там, где им угодно. Иногда они доставляют свои товары из Джурджана в Багдад на верблюдах, где славяне-евнухи служат им в качестве толмачей. Они заявляют, что они христиане и поэтому платят подушную подать». Однако в 921 г. халиф завел официальные связи с царем жителей Волги, на следующий год они приняли ислам, и это имело чрезвычайно важное значение, так как отныне мусульманский Северо-Восток впервые был объединен под властью династии умелых правителей, что позволило обезопасить пограничные земли, привело их к расцвету и сулило иноземным купцам гарантированные прибыли. Большинство найденных на севере Европы арабских монет относится к X в. и свыше двух третей их — саманидские. Начиная с этого периода и на протяжении всей эпохи крестовых походов Россия являлась главным путем, связывавшим Скандинавию и Восток. Так же как и на Севере, ислам приобрел обширные территории и на Востоке. В 943 г. правитель уйгур в Гаочане завязывает дружеские связи с Саманидами в Бухаре, что обеспечивало мусульманским купцам безопасный путь в Китай. А около 1010 г. большие и крайне важные в торговом отношении области Индии были присоединены к «империи ислама». С другой стороны, в X в. на славянском Севере царило большое беспокойство, вызванное особенно продвижением норманнов, которые в 883,

910 и 912 гг. на сей раз будто бы с пятьюстами кораблей по 300 человек в каждом, грабя все на своем пути, спустились вниз по Волге до Каспийского моря и в 969 г. разрушили столицу хазар. Именно поэтому и прекращаются, пожалуй, в это время их миролюбивые визиты в мусульманские страны; одни только персидские купцы, как и прежде, приходили к хазарам, которые отныне стали посредниками в сбыте северных товаров. Единственным предметом вывоза, который производили сами хазары, был рыбий клей; все же остальное — мед, воск, войлок, бобровые шкуры — они получали с севера и передавали дальше.

Основной товар, поставляемый Европой, — рабы — являлся монополией еврейской торговли, однако в 965 г. в Прагу, главный невольничий рынок Европы, наезжали «из страны тюрков мусульмане, евреи и тюрки с товарами и византийскими золотыми монетами и вывозили оттуда рабов, олово и шкуры бобров». Этому подъему торговли соответствовал и расцвет мусульманских колоний, чаще управлявшихся собственными властями, как у хазаров в Сарире, у аланов в Гане и Куге (Африка), а также и в Саймуре (Индия). Так же обстояло дело и в Китае. Мусульманские купцы обосновались даже в Корее. Напротив, в Византии восточные купцы могли задерживаться не более трех месяцев; наиболее важной их колонией в Византийской империи был Трапезунд.

Примерно в середине VI в. н. з. Кузьма Индикоплав рассказывает о том, как греческий и персидский купец спорили перед правителем Цейлона, чей повелитель могущественнее. Победил в конце концов грек, показав прекрасную византийскую золотую монету, имеющую хождение по всему свету, в то время как перс смог представить лишь серебряную монету. Эта история справедлива, поскольку между Византией и империей Сасанидов существовал договор о чеканке монеты, по которому Сасаниды имели право чеканить серебряную монету, а в качестве золотой пользовались римским солидом. Поэтому в бывших греческих провинциях халифата была распространена золотая валюта, в то время как персидские области производили расчеты серебряными дирхемами. Согласно Йахйе ибн Адаму (ум. 818), в Вавилонии имел хождение дирхем, в Сирии — динар, в Египте — тоже динар. В рассматриваемый нами период золотая валюта проникает на Восток, что является верным признаком согласованности в мусульманской торговле. В начале IX в. все подарки халифа исчислялись в дирхемах, а в начале X в. золотая валюта вошла в обращение также и в Багдаде, и центральное правительство стало вести расчеты в динарах. Решительный шаг вперед в этом направлении был сделан между 874 и 915 гг.: в бюджете первого года дань, поступившая с Вавилонии, указана еще в серебре, а в бюджете последнего — в золоте. Весьма любопытно, что вместе с серебряной валютой исчезло и натуральное хозяйство: в 874 г. в бюджете Вавилонии еще фигурирует натуральная повинность, а в 915 г. — уже нет. …

Крупные финансовые операции уже хотя бы ради безопасности

требовали более легких и недоступных разбойникам платежных средств, большинство из которых имело персидские наименования. Один ученый, совершавший путешествие в Испанию, имел при себе кредитное письмо и 5 тыс. дирхемов наличными. Насир-и Хусрау, например, получил от одного знакомого в Асуане открытое кредитное письмо к его поверенному в Айзабе такого содержания: «Дай Насиру все, что он у тебя потребует, возьми у него расписку и запиши сумму на мой счет!» Вице-король Египта послал своему представителю в Багдад кредитные письма на 30 тыс. динаров, причитавшихся смещенному везиру. Представитель признал эти документы действительными и представил деньги везиру в отставке. Своего рода векселем был *сакк* — первоначально долговое письмо; богатый человек выдает платежное распоряжение на управляющего его состоянием. Ибн Хаукал видел в Аудагуште, в Западном Судане, сакк на 42 тыс. динаров, выданный одним жителем Сиджилмасы на некоего Мухаммада ибн Абу Са′дуна; документ этот был нотариально заверен. Бумага эта проделала путь через добрую часть Сахары. В Вавилонии, где банкир играл большую роль, *сакк* являлся настоящим чеком. Уже в IX в. (к этому времени восходит история, разыгравшаяся при Харуне) некий магнат переводил свои *сакки* на своего банкира. Около 912 г. какой-то знатный человек уплатил *сакком* одному поэту, однако банкир не акцептовал этот *сакк*, так что обманутый поэт сочинил стихи, в которых говорил, что он охотно уплатил бы таким путем целый миллион. Тому же поэту и певцу ал-Джахиза (ум. 936) один покровитель выписал во время концерта чек (*рук′а* — расписка) на сумму в 500 динаров на имя банкира. Банкир, выплачивая деньги, дал поэту понять, что существует, мол, обычай за каждый выплаченный динар высчитывать один дирхем на издержки, т. е. около 10 процентов. Но если он пожелает провести с ним время после обеда и вечер, он не произведет у него никакого вычета. А один банкир, еще больший ценитель искусства, не только не произвел никаких вычетов, выплачивая одному поэту деньги, а наоборот, еще подарил ему 10% сверх суммы. Таким образом, у банкиров в то время было уже много дела, и поэтому нет ничего удивительного, что в Исфагане на базаре банкиров, а они также сидели в одном месте, имелось 200 банков. В Басре около 1009 г. банк стал уже просто необходимостью, ибо каждый купец имел свой счет у банкира и расплачивался на базаре только чеками на него. Это, кажется, было самым важным усовершенствованием денежного обращения в империи, и примечательно здесь то, что возникло оно в портовом городе Басра, пограничном городе между Фарсом и Вавилонией. Ведь басрийцы, персы из Фарса и южные арабы были лучшими купцами среди верующих; всюду, где только можно было что-нибудь раздобыть, они имели свои колонии. В этом деле они были похожи на швабов и швейцарцев нашего времени. «Больше всех охотятся за прибылью басрийцы и химьяриты. Кто попадет в самое отдаленное место Ферганы или на самый западный край Марокко, обязательно встретит там либо басрийца, либо

химьярита», — говорит около 902 г. Ибн ал-Факих ал-Хамадани. Уроженцы этого мирового порта были известны тем, что им была неведома тоска по родине. Передают, что под надписью: «Всякий, попавший в чужие края, каким бы бессердечным он себя ни представлял, вспомнит о родине, когда он болен», — один из них приписал: «За исключением людей из Басры».

…

Главными конкурентами вавилонян и персов были евреи. «Город евреев» <Иахудиййа> в Исфахане был деловым кварталом этой персидской столицы. Что же касается Тустара, этого главного центра персидского коврового производства, то мы располагаем сведениями, особо подчеркивающими, что крупнейшими торговцами были там евреи. Один еврей контролировал всю ловлю жемчуга в Персидском заливе. Кашмир был полностью закрыт для чужеземцев, только несколько иноземных купцов имели право въезда туда, преимущественно евреи. На Востоке их специальностью были также денежные дела. Когда к концу IX в. патриарх Александрии оказался жестоко ограбленным правительством, он раздобыл деньги, продав евреям принадлежащее церкви недвижимое имущество и часть церкви ал-Муʿаллака. Среди менял египетской столицы было так много евреев, что в связи со случаем непослушания в этой гильдии в 973 г. наместник в качестве основной меры дисциплинарного воздействия распорядился, чтобы с того дня ни один еврей не смел показываться на улице без специального отличительного значка для евреев. В XI в. Насир-и Хусрау рассказал о богатом каирском еврее Абу Саʿиде, у которого на крыше дома стояло 300 деревьев в серебряных кадках. Мы располагаем сведениями о двух евреях-банкирах и в Вавилонии — Йусуфе ибн Пинхасе и Харуне ибн ʿИмране, у которых в начале X в. везир сделал заем в сумме 10 тыс. динаров. Оба они, по всей вероятности, основали фирму, ибо также и смещенный в 918 г. везир Ибн ал-Фурат заявил, что он имеет на счету у обоих этих евреев 700 тыс. динаров. Йусуф был банкиром Ахваза, т. е. он ссужал правительство деньгами под налоговые суммы, поступающие с Ахваза, сопровождая это обычными в таких случаях жалобами: у него, мол, ничего нет, а он должен так много выкладывать. Оба этих еврея совместно с третьим, судя по имени, вероятно христианином — Закариййа ибн Йуханна, носили титул придворных банкиров и имели право на куриал «Аллах да сохранит тебя!», самый низкий по рангу из вообще применявшихся; дозволен он был в отношении, например, шпионов при небольших почтовых конторах. Евреи, игравшие первые роли в ковровом производстве Тустара, также являлись не фабрикантами, а банкирами. Во второй половине X в. один губернатор Багдада, прежде чем скрыться в болотах, получает необходимые ему деньги у евреев столицы. Поэтому нет ничего удивительного, если в арабском языке мы также встречаем слова из еврейского биржевого жаргона…

Наряду с вавилонянами, персами и евреями наиболее активным торговым людом в империи были также греки и индийцы. Греки

просочились вплоть до самых отдаленных областей; так, во внутреннем Кермане существовала колония греческих купцов даже на складочном пункте Джируфте. Напротив, армянские купцы нигде не играли роли; в Византии мы видим представителей этого народа прежде всего на высоких военных постах. Фатимидам они также поставляли солдат и военачальников, и, между прочим, *амира ал-джуйуш*, который в XI в. правил их государством. Перелом здесь, кажется, произошел со времен тюрков.

Торговцы, как и ремесленники, группировались на базарах по отраслям. Они сидели там и после полудня, ели у трактирщика или заставляли приносить себе в лавку что-нибудь из дому и отправлялись восвояси лишь вечером. В Вавилонии базарные купцы имели под своей лавкой, расположенной в первом этаже, уборную, устланную матами, со столами, зеркалами, слугами, кувшинами, тазами и содой. …

Необычно развито было ссудное дело. Жители городов могли получить внаем не только квартиру, но и утварь. Одна женщина имела 5 тыс. больших медных сосудов для хранения воды, распространенных в Каире, и давала их напрокат за 1 дирхем в месяц. К свадьбе парикмахерша приносила с собой и украшения; на этот случай брали также напрокат ковры.

Акт купли-продажи совершался в соответствии с каноническим правом «по рукам»; еще и современные юристы не считают акт купли-продажи законным без категорического об этом заявления. Это довелось мне увидать в сирийской пустыне: в то время когда покупатель и продавец торговались, правая рука одного находилась в правой руке другого, и только когда продавец произнес: *биʿту* — «я продал», а покупатель: *иштарет* — «я купил», они разняли руки, и сделка была завершена. Ибн ал-Муʿтазз (ум. 908) не забывает упомянуть эту торговую клятву в истории купца, продавшего свое добро ростовщикам. В остальном же в огромной империи, заключавшей в себе самые различные ступени развития культуры, сосуществовали, пожалуй, почти все формы торговли. К сожалению, географы именно этого отрезка времени совершенно этим не интересовались, а юристы были настолько поглощены своими сухими и безжизненными догмами, что мы располагаем в этой области весьма скудным количеством достоверных сведений. Так называемая немая торговля, при которой каждая сторона выкладывала и забирала свои товары в отсутствие другой, практиковалась на границах империи, на Нигере и на краю Хорасана.

В Вавилонии внимание рабби Петахья из Регенсбурга привлекло следующее: «Мусульмане [люди] очень надежные. Когда туда прибывает купец, он оставляет свой товар в доме какого-нибудь [мусульманина], а сам уезжает обратно, и они выносят товар для продажи на базары. Если дают условленную цену, тогда все хорошо, если же нет, то они показывают товар всем оценщикам. И если видят, что цену дают низкую, то и сбывают его по пониженной цене. И все это совершается с великой добросовестностью».

Мусульманское право с самого начала совершенно особо подчеркивало

запрет взимания процентов, а также спекуляции средствами питания. Большая часть юридических сил была занята тем, чтобы закрыть все, даже самые мельчайшие лазейки пытающимся обойти эти определения. И тут пришли на помощь иудеи и христиане. Чтобы получить заем в 10 тыс. динаров, везир должен был выплатить Иосифу бен Пинхасу и Аарону бен Амрану 30 процентов. А христианам изданный около 800 г. н. э. их свод законов разрешал давать ссуды своим собратьям с взиманием до 20% годовых. Особенно выгодным ростовщическим предприятием было ссужение деньгами жертв казны в случаях конфискации и вымогательств; на этом можно было заработать до 1000%. Впрочем, мусульманское общество X—XI вв. также было очень далеко от преклонения перед величием закона. Уже около 815 г. два финансиста развили бешеную спекуляцию вокруг урожая Вавилонии, рассчитывая заработать почти 12 млн. дирхемов, но так как в последний момент произошло резкое падение цен, они потеряли 66 млн. Кроме того, само своеобразие условий ведения сельского хозяйства требовало в большей или меньшей степени спекулятивных сделок на урожай, обмолот, сбор фиников, хотя ученые юристы самым бессмысленным образом разрешали это только под залог продавца. Согласно Ванслебу, в Египте 1664 г. высмеивали законы против спекуляции точно так же, как у нас: берущему взаймы навязывали низкокачественные товары по непомерно высоким ценам.